

В. Н. Сагатовский

Гражданское общество или человеческая общность?*

В чем суть проблемы?

Сознание на уровне моды живет по принципу маятника: из одной крайности в другую. Достоин ли такой тип поведения ученых мужей? Почему мы сначала принимаем неинтервализированные догмы (берем модели без анализа сферы их адекватной применимости), потом торопимся извлечь из них прикладные выводы, потом заходим (и заводим!) в тупик, потом начинаем от противоположного, но по тому же алгоритму? Давно ли мы выводили профессиональную этику из «развитого социализма», теперь будем это делать из «гражданского общества»? Я думаю, что ни модель общественно-экономической формации, ни модель гражданского общества не покрывают общества в целом. Чтобы в той или иной сфере общественной жизни была здоровая мораль, она должна быть таковой в обществе в целом. Этика должна сначала понять, к чему мы стремимся в «перестройке», что мы считаем нормальным и достойным, что необходимо (если еще возможно...) возродить, какой должна быть мораль человеческой общности. Если мы сумеем на этом уровне расчистить авгиевы конюшни вульгарного материализма, социологической редукции и функционализма, то аспекты гражданского общества, предпринимательской этики и т. д. станут на свои места почти сами собой. Разве Ж.Кальвин учил этике менеджеризма? А какая этика возникла из общих основ пуританства! Или мы ставим перед собой задачи на уровне Д.Карнеги? Но тогда причем тут этика? Иными словами, не имея аксиологического гештальта, эксперт-гуманитарий пойдет на поводу модных штампов эмпирии. Чтобы разобраться в ней, нужен масштаб оценки, нужна своя модель и рефлексия по поводу пределов ее применимости. Субъективизм, конечно, неизбежен. Но когда он дает о себе знать системно и по возможности отрефлектирован, то и преодолеть его – другому эксперту – легче.

---

* *Сагатовский В.Н.* Гражданское общество или человеческая общность? // На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса. 1991. С. 209-217.

Итак, я хотел бы поместить и «этику гражданского общества», и спор «рынкофобов» и «рынкофилов» в контекст целостной человеческой общности и адекватной ей морали. Если предельно кратко охарактеризовать принимаемый мной идеал, то это – общество доброжелательных уступок, обеспечивающих оптимальное соотношение (развивающуюся гармонию) солидарности, полифоничности (свободного развития индивидуальностей) и соборности (органического единства на основе «правды отношений», превалирующей над «борьбой интересов»).

Постараюсь показать, что автоматически зачислившие меня после этой тирады в левый (на уровне моды – правый) столбец, т. е. к рынкофобам, ошибаются. Не торопитесь включать маятник!

Разговор «мимо»

Рынкофобы и рынкофилы произносят свои монологи мимо внимания и понимания друг друга. Они говорят о разных вещах, в чем-то правы и не правы – те и другие. Прежде чем выявить плюсы и минусы обеих позиций, попробуем отразить сами позиции: о чем идет речь, о каких предметах? Рынкофобы обсуждают и осуждают рынок с позиций морали, не являющейся функцией утилитарной деятельности, дают аксиологический портрет «героя рынка», уже выходя за рамки этики, предлагают социально-политические оценки и рекомендации относительно рыночной экономики; отрицая утилитарную мораль рынка, тут же признают классовый характер морали. Очень это разные рынкофобы, и уровень критики рынка очень разный.

Рынкофилы вообще плохо представляют себе, что такое мораль. Добро должно быть полезным, не глушить инициативу. Морализация утопична, ходульна, а мы хотим хорошо жить сейчас, и никто не придумал стимула лучше, чем личный интерес. Частная собственность моральна, ибо обеспечивает достоинство человека: «хозяином нельзя командовать». Мораль должна реабилитировать прибыль и предпринимчивость. Одним словом, рынок и мораль могут быть полезны друг другу.

Очень похожа «рынкофилия» на марксизм, только с обратным знаком: марксизм хотел повенчать мораль с общественной собственностью и пролетариатом, рынкофилы – с частной собственностью и предпринимателями. Морали от этого не легче: она редуцируется к социальной полезности.

Теперь проведем две последующие операции: сначала отсечем явно ошибочные и неприемлемые (разумеется, с моей точки зрения) утверждения обеих сторон, а затем из оставшегося материала попробуем реконструировать возможный конструктивный диалог.

Отсечение лишнего

Рынкофобы. Моральная подозрительность к частной собственности и «оправдание» ее стеснения несостоятельны. Конечно, любая форма собственности имеет свои плюсы и минусы, но значимость частной собственности как начала, делающего человека более ответственным, инициативным и заботливым, была прекрасно показана еще Вл. Соловьевым в «Оправдании добра». Абсолютное противопоставление предпринимателя как хищника «простому труженику», отождествление «народной нравственности» с «классовыми интересами трудящихся», противопоставление прибыли, которую «гребут», и зарплаты, на которую «живут честно», – все это результат недооценки частного интереса как стимула организационного (а не только исполнительского, физического труда) аспекта деятельности и выражение позиций зависти и уравниловки.

Какие социальные слои, какая психология стоит за такими взглядами? Это люди неквалифицированного труда с психологией маргиналов-завистников, они не готовы к свободной конкуренции, боятся ее и пытаются «морально» оправдать свою слабость и завистливость.

Рынкофилы. Некорректно утверждать абсолютное благо современного рынка на основании несостоятельности «бескорыстия» казарменного социализма: из того, что «у нас» плохо, никак не следует, что «там» все прекрасно. Из полезности личного интереса не следует, что противоречие между идеалом и интересом лишь «кажущееся»: экономическая польза может и не покрывать моральный ущерб. Утверждение, что «индивидуализм предполагает сочетание установок на самореализацию и «сотрудничество», относится к числу благих пожеланий и надежд на «разумный эгоизм», утилитарную этику, несостоятельность которой столь же убедительно показана историей, как и уравнильных «идеалов». Точно так же трудно поверить под «честное слово», что «пассионарии рынка» – «отнюдь не мафиози». Где у нас «честные купцы» (я не исключаю наличие таковых, но, во-первых, есть и другие в любой рыночной ситуации, а, во-вторых, в нашей конкретной ситуации именно эти другие задают тон)?

За этими взглядами стоят либо люди, которые видят преимущества рынка и не хотят (психологически) видеть его минусы (обратное движение маятника), либо адвокаты, желающие «отличиться» и занять официальное престижное положение в теневой экономике.

Заключая, я бы сказал так: маргиналы порождают две крайности – завистливых уравнилелей («грабь награбленное!») и грабителей. Эти крайности чреватые вечным воспроизведением своего конфликта: одни готовы наживаться любым способом, другие – любым путем экспроприировать и заниматься уравнилельным распределением. В обоих случаях «моральное оправдание» может иметь лишь демагогический характер.

Реконструкция возможного диалога

Устранив неприемлемые элементы рынокофобии и рынокофилии, мы получаем возможность смягчить противоположности и обозначить участников диалога как «Моралиста» (ревнителя интересов нравственности, духовности) и «Экономиста» (ревнителя интересов экономики).

Моралист: Рыночная экономика руководствуется принципом выгоды, максимизации прибыли. Но то, что невыгодно, может оказаться очень ценным: фундаментальная наука, большое (некоммерческое!) искусство, отношения, стимулируемые доброжелательностью, деятельность во имя долга. Не рискуем ли мы в угоду функциональному и временному погубить вечное, подлинно человеческое? Не означает ли рынок безудержное торжество кота Матроскина и полную ненужность кота Леопольда?

Экономист: Но, во-первых, ваши высокие идеалы недостижимы, если подавлен основной двигатель прогресса – частный интерес. Богатый человек – добрый человек; бедный – завистлив, неинициативен, склонен к уравниловке. Успех и обеспеченность создают базу для достоинства: хозяином нельзя командовать. Во-вторых, сила общественного мнения, необходимость «игры по правилам», наконец, здравый смысл обеспечат честный характер конкуренции и морально-психологическую компенсацию для погашения отрицательных последствий рыночного функционализма.

М.: Думаю, что Вы тут смешиваете разные вещи. Богатство и бедность сами по себе не являются гарантиями ни достоинств, ни пороков в духовном измерении. Я не отрицаю экономической рациональности рыночной конкуренции (в определенных, разумеется, гра-

ницах, которые ставит сама экономика, право и моральные традиции). Хозяин рачительнее и производительнее. Но гарантирует ли это само по себе нравственность? Нравственно быть добрым и честным хозяином: не только реализовать свою волю к власти и комфорту, но не шагать по головам, совершенствовать, а не расхищать природу (С. Н. Булгаков называл это *софийностью* в ведении хозяйства). Хозяин может быть нравственным, но достаточно ли экономической самостоятельности и процветания, чтобы стать таковым? Тем более в нашем обществе, где мораль почти на нуле? Не отрицаю я и вклад общественного мнения, демократических традиций, добрых обычаев и т. д. в смягчение рыночной конкуренции. Но есть ведь и злая воля, и «правила зла», и реальное отсутствие добрых традиций, и базарный характер самого общественного мнения (охлократия). Что переборет? Даже развитые страны с вековыми устоями не могут справиться с мафией. И, наконец, не оскорбительно ли довольствоваться лишь компенсацией «убогим» (пусть талантливый, тонкий, но не склонным к рыночным играм)? Не приведет ли это к торжеству коммерческой массовой культуры и к существованию нравственности лишь в меценатских заповедниках?

Э.: А что Вы хотите? Жизнь нельзя подчинить утопическим идеалам. Моральность рынка в справедливом воздаянии инициативе, в одобрении законного приобретения богатства, в осуждении завистливой посредственности и бюрократических препон. Конечно, и социальная защита нужна – и бедности, и культуре вообще. Чего же больше? Нельзя же подчинить общим рассуждениям о человеке как самоцели реальные целесредственные отношения в деловой практике. Ведь это будет мешать Прогрессу.

М.: Боюсь, что Вы все же смешиваете правовые гарантии и положительные оценки деловитости с моралью. Подлинная же мораль – бескорыстное принятие Другого как самоценности и способность к добровольному, не мотивированному внешней необходимостью самоограничению – для Вас экзотический цветок, который, может быть, и следует занести в Красную книгу, но ведь нельзя же всерьез поставить его рядом с Делом, тем более выше его.

Э.: Вы правы. Сначала надо накормить людей и обеспечить их реальные права и свободы. Вы же толкуете о чем-то, может быть, и возвышенном, но очень абстрактном.

М.: Нет! Все три задачи – экономическую, политическую и духовно-нравственную – надо, во-первых, решать одновременно, а во-вторых, во главу угла – в смысле определения Храма (идеала) и пути к нему – надо, конечно же, поставить третью задачу, а две первых – рассматривать как средства, «приводные ремни». Давайте уважать друг друга. Без рынка и частного интереса мы не проживем. Но только разумная политика может придать их развитию направление, где интересы народа будут выше интересов «героев рынка» (подразумевается не администрирование, но экономические меры – налогообложение, инвестиции и т. д., и защита национальной экономики на международном уровне). В свою очередь и политика, и экономика могут преодолеть свою неизбежную функциональную ограниченность только через атмосферу софийности, сообщаемую им высшими духовными, в том числе нравственными, ценностями. Без этого не было, нет, и не будет великих культур. Без Возрождения и Реформации не было бы индустриального общества в Западной Европе. И у нас, если мы не смиримся с превращением в совокупность разрозненных стран на уровне третьего мира, не может быть иначе. А Вы говорите «абстракция»!

Э.: Согласен с призывом уважать друг друга, хотя порой мне трудно понять ваш подход. Попробуем работать вместе на базе здоровой экономики, может быть, дойдем и до консенсуса.

М.: Попробуем понять, что здоровый дух столь же необходим обществу, как и здоровая экономика. Тогда именно консенсус и будет естественным следствием конкуренции в условиях солидарности, а не солидарности как правового момента конкуренции.

Экспертиза классификации нравственных конфликтов при переходе к рыночной экономике

Сохранив общую формулировку 1-го и 3-го типов (конфликт моральных традиций и моральных инноваций; конфликт между 1-м и 2-м типами, помещенными в контекст этнонациональных и иных особенностей), я изменил бы формулировку 2-го типа и поместив бы его на первое место. Ведь внутренняя несбалансированность есть следствие конфликта ценностей, инициируемых рынком, с другими этапами развития форм отчуждения и их нравственной оценки в истории человечества. В самом деле, «рыночный» этап – это культура индустриального общества, вступающая в конфликты с доиндустриальным и постиндустриальным обществом. На это уже наслаиваются

особенности истории советского периода и региональные особенности (России, Средней Азии и т.д). Плюс к этому надо ввести еще 4-й тип: конфликты с учетом особенностей международной обстановки, в которой совершается у нас переход к «нормальной» рыночной форме индустриального общества.

Итак:

1. Общий конфликт индустриального общества в контексте истории.
2. Модификации этого конфликта в условиях советской предыстории.
3. Его модификация в условиях нынешней международной ситуации.
4. Модификации конфликта применительно к особенностям культурных регионов.

О путях консенсуса (анализ предложенных вариантов)

1. *К фобии «принципа полезности».* Вариант представляется неудовлетворительным.

а). В багаже морального оправдания рынка – не аморализм; его аргументы просто *вне* сферы этики, ибо добро для них – одна из функций полезности, а не самооценочность.

б). Ставить в один ряд утилитаризм и персонализм некорректно, ибо они суть противоположности. Противники редукации морали к пользе полны почтения к персонализму (если они знают, что это такое).

в). Что такое этика пользы? Что-то вроде праксиологии любви? На такой основе мостов не наведешь. Основа тут нужна другая: идея взаимной дополнителности принципов пользы, долга и добра.

2. *К фобии против аморализма бизнеса.* Социальная ответственность в бизнесе (в преобразовательной деятельности вообще) может означать только одно: дополнение юридической, технологической и т. п. ответственности ответственностью моральной, эстетической, религиозной. Быть в мире ответственным не просто как в лаборатории, но как в Храме. А это уже не только социальная, но также экзистенциальная и трансцендентальная ответственность. Может ли бизнес послужить софийности (ведь у Лютера и Кальвина он должен был служить Богу)?

На такой основе возможен конструктивный диалог, если у апологетов бизнеса выкроится для него время (которое у них сопоставляется с деньгами, а не с вечностью).

3. *К фобии против конкуренции.* Здесь мне вспоминается интервью Г. Каспарова для «Плейбоя» (см.: Диалог, 1990, № 1). Конкуренция вещь полезная, но зачем технологии придавать нравственный ореол?

а). «Игра по правилам» – это категория права, социальной психологии, но только не этики. Требования этики здесь такие же, как и везде: честность, отсутствие злорадства, унижения и т.д.

б). Почему права и обязанности распределяются наряду с «базовыми ценностями»? Это некорректно. Базовые ценности – это не блага, а внутренние ориентации выбора.

в). Саморегуляция через конкуренцию – это хорошая технология, но при чем тут мораль?

г). Почему «состояние общественной нравственности» раскрывается через повышение роли творческого элемента в трудовой деятельности (разве нет аморальных творцов?) и расширение возможностей для благотворительности (ведь она осуществляться может и не по нравственным мотивам)? Тем более из того, что конкуренция ограничивает бесхозяйственность, влияет на качество продукции и т.д., следует лишь, что это – хороший экономический механизм и не более того. Но еще и еще раз: если не сводить мораль к обслуживанию пользы, то при чем тут она? Основа для консенсуса – совсем другая: как совместить экономически полезный механизм конкуренции с приматом нравственной атмосферы в обществе.

Общее резюме

Авторы вариантов исходят все же из примата рынка. Я – из примата духовности. В более общем плане: культура как момент, обслуживающий цивилизацию, или цивилизация как технология на службе у культуры как аксиологии? Как же прийти к консенсусу? Пожалуй, на следующих основаниях: 1) «Богу – Богово, кесарю – кесарево» и 2). «Мамы всякие нужны, мамы всякие важны». Ибо нравственность без экономики бессильна, но экономика без нравственности губительна. Поскольку бедность все же лучше гибели (а индустриальная цивилизация движется по разным дорогам, но к одному обрыву), постольку речь идет о примате нравственности.

Но лучше всего – разумная развивающаяся гармония.

